

УДК 94(517.3)+94(470)

ББК 63.3(5Мон)6+63.3(2)6

Позиция советского руководства в отношении инструкторов и специалистов в Монголии в период национальной демократии и левацкого эксперимента (1926-1932 гг.)

Н.В. Дьяченко

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

The Position of the Soviet Leaders about Instructors and Specialists in Mongolia in the Period of National Democracy and Left Experiment (1926–1932)

N.V. Dyachenko

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена анализу советской политики в Монголии на примере организации работы с кадрами: инструкторами и специалистами, командированными в МНР в начальный период социалистической модернизации государства. Поскольку инструкторы являлись основными исполнителями советской политики, требовалось четкое разграничение их обязанностей, полномочий в практической работе с местными монгольскими кадрами и одновременно реализация намеченных планов в политической и хозяйственной сферах. Вопросы организации данного направления курировали специальные комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б), сотрудники Коминтерна, торговый представитель в МНР, само монгольское руководство. Документы свидетельствуют о целенаправленной политике пресечения «колонизаторского отношения» со стороны советских специалистов, попытке сократить численное присутствие советских граждан в монгольских организациях. Правовую основу регламентации функций данной группы специалистов получила в 1934 г. с подписанием специального Соглашения между правительствами СССР и МНР. Выработанные положения сохранили актуальность для советской трудовой миграции в Монголии во второй половине XX в.

Ключевые слова: советские инструкторы и специалисты, Монголия, советско-монгольские отношения, монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП (б), Коминтерн.

DOI 10.14258/izvasu(2019)3-10

Период середины 1920-х — начала 1930-х гг. в Монголии характеризовался значительной политической трансформацией, нередко насаждаемой силой. Эти годы являлись переходным этапом

This article analyzes the Soviet policy in Mongolia using organization of work with personnel as an example: instructors and experts were sent to Mongolia in the early period of socialistic modernization of the state. As long as instructors were the main executives of the Soviet policy the situation required a clear distinction of responsibilities and authorities with the local Mongolian staff during the work and, at the same time, an implementation of Soviet plans in political and economic spheres. All organizational matters were supervised by a special commission organized by the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, Comintern employees, a Soviet trade representative in Mongolia, and Mongolian government.

The documents show a firm policy aimed to restraint "colonialist attitude" of Soviet specialists. The legal basis which regulated main functions of the expert group was signed in 1934 in a form of special agreement between the USSR and Mongolian People's Republic governments. Those agreements remained relevant in organizing Soviet labor migration to Mongolia during the second half of the 20th century.

Key words: Soviet instructors and specialists, Mongolia, the Soviet-Mongolian relations, the Mongolian Committee of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, Comintern.

от попытки создания национальной демократии к социалистической системе. 1926–1928 гг. в научной литературе признаны апогеем национальной демократии [1]. Вслед за советским экономическим курсом

на «обогащение» в монгольском руководстве происходит сближение «правых» и «левых» — консолидация демократических сил и дальнейшее развитие отношений с СССР и Коминтерном.

Одним из механизмов оказания всесторонней помощи Монголии советским правительством являлся метод командирования советских граждан в политические и хозяйственные структуры. Взаимоотношения советских инструкторов, советников, специалистов и монгольских служащих, различные воззрения сторон, внутренние дискуссии, проблемы, связанные с обязанностями новых должностей, наполнили этот период яркими противоречиями на почве несовпадения политических взглядов и разграничения функций инструкторов и их подчиненных.

Роль советских инструкторов в построении основ будущего демократического государства затрагивается в обобщающих публикациях 1990-х — начала 2000-х гг., посвященных истории Монголии и советско-монгольским отношениям. В работах С.К. Рощина исследуются основные этапы политической борьбы за обеспечение национальной независимости Монголии в 20-30-е гг. XX в. Автор первым ввел в научный оборот материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), раскрывающие противоречия между устремлениями монгольских демократов и интернационалистскими принципами Коминтерна [1; 2]. Анализ политической трансформации Монголии в форме социалистической модернизации представлен в исследованиях В.А. Родионова [3; 4]. Однако проблемы взаимоотношений советских специалистов и монгольских служащих, складывающиеся в практической деятельности, требуют отдельного изучения, поскольку не только иллюстрируют весь комплекс противоречий межгосударственных отношений, но и раскрывают причины успешной реализации «генеральной линии».

Нами изучены материалы протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) по монгольскому вопросу, монгольской комиссии Политбюро, работавшей с 1926 г., отдельной подкомиссии в составе китайской комиссии Политбюро 1928 г., доклады, отчеты руководителей партийных и хозяйственных органов СССР и МНР, заседаний Восточного секретариата Коминтерна, в которых отражены как задачи, поставленные перед советскими инструкторами в Монголии, так и текущие проблемы, результаты работы.

Массовый характер командирования советских граждан в МНР приобрело в 1960-е — первой половине 1980-х гг. [5, с. 217-222], однако основные методы работы формировались в более ранний период. В управлении всех создаваемых в Монголии политических и хозяйственных структур принимали участие советские представители. Они явля-

лись сотрудниками Монценкопа, Проммонголстроя. Представитель СССР был финансовым советником и председателем Монголбанка. Кроме того, в Монголии работали совместные монгольские и советские предприятия: акционерное общество оптовой торговли Монгсовбунэр, Монголтранс, Монгшерсть, Совмонгтувторг, Стормонг, Скотимпорт, Союзнефтеэкспорт. В конце 1930-х гг. увеличился штат инструкторов, политработников, ветеринаров, медицинских работников РККА в частях МНРА, советники из НКВД играли большую роль в репрессиях, борьбе с преступностью.

На практике соотношение полномочий монгольского руководителя/работника и прибывшего инструктора/специалиста явилось серьезной проблемой не только хозяйственного, но и межэтнического характера, во многом создавая почву для латентного конфликта на межгосударственном уровне. В докладах и отчетах советских руководителей партийных и хозяйственных структур распространены такие оценки отношения к делу советских инструкторов, как проявление «колониаторского» отношения, «великодержавность», «состояние землячества».

Советское руководство предпринимало различные меры для урегулирования взаимоотношений инструкторов с подчиненными. Например, наставления специалистам соблюдать корректные отношения с монгольскими коллегами. В марте 1926 г. полпред и торгпред П.М. Никифоров на первом совещании представителей советских хозорганизаций, работавших в МРН, обращал внимание на необходимость «учитывать, что монгольский народ, находясь долгое время в рабстве, ... сделался чрезвычайно чуток, он очень болезненно реагирует на все явления, близко затрагивающие его интересы, и он боится, как бы опять не попасть под новый гнет». Никифоров делал вывод, что «наши методы должны исключать из себя все, что болезненно может отразиться на взаимоотношениях с монгольским населением». Также он отмечал случаи нарушения должностных обязанностей со стороны советских граждан: «... многие наши работники, приезжая из СССР, не могут отрешиться, что они не дома, что Монголия самостоятельная страна и не является советским государством» [6, л. 6].

Отдельной проблемой этого периода были антицерковные мероприятия. Утверждение Закона об отделении религии от государства лишало ламаистскую церковь возможности вмешиваться в государственные дела, вводило прогрессивное налогообложение на монастырские хозяйства. Открытые выступления лам были нейтрализованы монгольским руководством благодаря политике лавирования, однако коминтерновские и советские работники требовали «ужесточения» линии в отношении ламства.

Вместе с тем в 1926–1928 гг. в Монголии успешно проходила денежная реформа, продолжалось строительство промышленных предприятий, развивалась национальная торговля. Политика советского правительства была организована не с коммерческой выгодой, а на основе взаимопомощи. Однако на практике в хозяйственных организациях и управленческих структурах общая политическая линия нередко нарушалась.

Советские инструкторы, представители Коминтерна (ИККИ) вели активную политическую работу в МНР, значительное место в материалах этой организации отводится данному направлению. Характерное для этого периода стремление к кадровой замене отразилось в разделе «Относительно инструкторов» доклада представителей ЦК МНРП Гэлэк-Сэнгэ и Дугарджапа в Восточный секретариат ИККИ от 1927 г.: «В данное время расходы по содержанию инструкторов превышают более 1 млн дол., что не может не отразиться чувствительно на госбюджете, поэтому, вполне естественно, мы стремимся к замене приглашенных инструкторов по мере выдвижения подготовленных работников из среды самих монголов» [7, с. 189]. В ответном письме заведующего ДВС ИККИ Ф. Ф. Петрова (Раскольников) председателю ЦК МНРП Ц. Дамба-Дорджи от 20 января 1928 г. было отмечено: «После доклада т. Гелуксенге и Дугуржапа мы приняли меры к снятию нескольких, не соответствовавших своему назначению инструкторов. Сейчас крайне важно очистить и укрепить помогающий монгольскому государственному строительству советский инструктаж.... Но всячески противодействуйте общей кампании травли и выживания из Монголии советских инструкторов со стороны консервативного чиновничества, поддерживаемого правыми элементами вашей партии» [7, с. 299].

Поиск правых элементов, как их чаще называли, «белогвардейцев» — одно из ключевых направлений политики ИККИ среди советских инструкторов. В письме Дальневосточного секретариата ИККИ ЦК МНРП с разъяснением январской (1927 г.) резолюции ИККИ по монгольскому вопросу отмечается, что «...особенно теперь партия должна тщательно проверить, кто работает под видом инструкторов и так называемых специалистов. Если инструкторов СССР мы можем в случае их неправильных действий всегда призвать к порядку, отозвать и т. д., совершенно другое дело с белогвардейскими элементами, примазавшимися к монгольским учреждениям» [7, с. 211]. Факт ареста инструктора советскими представителями, превысившими свои полномочия (за что впоследствии они были сняты с занимаемых должностей и отправлены на родину), приводится в справке члена Президиума ЦК МНРП Х. Чойбалсана председателю ЦК Ц. Дамба-Дорджи от сентября 1927 г. [7, с. 242].

Советское руководство регулярно организовывало кадровые проверки инструкторов в МНР. Резолюция Политбюро от 5 января 1928 г. по монгольскому вопросу обязывала «подкомиссию обеспечить действительную чистку экономических организаций СССР, оперировавших в Монголии, наказывая за всякое проявление колонизаторских тенденций...» [8, л. 10]. В 1929 г. проверкой работы советских учреждений и предприятий в Монголии занялась иностранная комиссия НК РКИ (Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции).

К 1929 г. доминирующей политической силой в Монголии становится левая оппозиция, настроенная на более тесное сближение с СССР. Базовым договором о сотрудничестве стало секретное «Соглашение об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР», подписанное 27 июня 1929 г. Документ дал основу развитию монгольской промышленности, включая разведку природных богатств, поставки оборудования, стройматериалов. Новый этап развития советско-монгольских отношений требовал дополнительного контингента специалистов разных областей.

Характерной чертой периода являлись многочисленные разногласия между советскими представителями Коминтерна и НККИД в Монголии, связанные с их активным вмешательством в работу советских специалистов на местах. Каждая из структур по-своему определяла задачи, стоящие перед инструкторами: Коминтерн настаивал на обязанности заниматься политической деятельностью вне зависимости от непосредственных полномочий, обязательном вступлении в ряды партии. В свою очередь полпред и дипломатические представители ограничивали требования высоким профессиональным уровнем в той области, в которую инструктор направлен. Детально эта позиция отражена в Стенограммах совещаний в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу. На одном из совещаний 1929 г. помощник уполномоченного Коминтерна Ф.Р. Коняев отметил: «Наш инструктор в то же время является политическим работником. А что говорят наши наверху сидящие товарищи (имеется в виду НККИД. — *Н.Д.*)? Но что вы лезете в политику, когда вы начинаете творить политику, то получается мешанина» [7, с. 430]. Автор приходит к выводу, что «нужно направить инструктаж и поставить его в такие условия, чтобы они были не только спецами, но и политическими работниками» [7, с. 431]. В ходе обсуждений равнодушных к политическим событиям специалистов называли «наемниками».

Конкретным примером разногласий как среди монгольского руководства, так и советских представителей ИККИ служит организация колхозов и госхозов, начатая в сентябре 1929 г. Если уполномо-

моченный ИККИ М.И. Амагаев сообщал в Москву, что конфискация имущества проводится хорошо, то полпред А.Я. Охтин был сторонником менее радикальной политики, его же поддерживал торгпред СССР Е.Г. Ботвинник. Однако замена в декабре Амагаева на нового представителя Коминтерна В.Н. Кучумова только продолжила линию ИККИ на «революционность» в этом вопросе [1, с. 230–231].

В Восточном секретариате ИККИ периодически созывалась комиссия «по выяснению вопросов помощи Монголии». Анализ протоколов заседаний выявляет проблему инструктажа как наиболее актуальную. Одно из заседаний было посвящено организации советской медицины. Главной причиной неудач первых советских экспедиций по вытеснению авторитетного конкурента — тибетской медицины в Коминтерне считали отсутствие должной политической пропаганды организаторами-коммунистами и антисоветскую пропаганду беспартийными медицинскими работниками: «врач должен быть еще и пропагандистом» [7, с. 439].

Теме особого отношения инструкторов к работе в Монголии посвятил свой доклад «Очередные задачи советского инструктажа» С.Е. Чуцкаев, член Президиума ЦИК СССР, впоследствии ставший полпредом. В выступлении, прозвучавшем на собрании членов Общества взаимопомощи советской колонии в Улан-Баторе в 1931 г., автор обращал внимание на ответственное отношение к делу: «повышаются требования к инструктажу, там (в монгольском руководстве. — *Н.Д.*) требуют, чтобы инструктаж работал, не задевая национальных чувств монгол ... инструктор должен знать, что он отвечает не только за советы, но и за работу всего учреждения наравне с руководителем монголом ... Значительная часть советского инструктажа и советников отстраняет монгольского руководителя и сами распоряжаются...». Отношение некоторых советских инструкторов к монголам Чуцкаев называл «великодержавностью»: «Наши инструктора и советники не только распоясались в своей великодержавности, но и не находят ничего лучше, как подать заявление на товарища, при котором он поставлен для помощи, и требовать какого-то специального разбирательства и даже наказания для монгольского товарища, который имел неосторожность задеть национальную честь этого товарища». Причины проявления великодержавности автор видел в «состоянии землячества», которое не могли преодолеть советские граждане [8, л. 98–104].

Требование самостоятельной работы, без слепого следования распоряжениям советских инструкторов, отмечалось и в выступлениях монгольского руководства. В ходе совещания по вопросу единства МНРП 27 июля 1931 г. с участием П. Гэндэна, Г. Дэмида, У. Бадархо и других был сделан следующий вывод:

«Мы не должны всегда выпячивать советников (советских. — *Н.Д.*), а смотреть, как научились наши работники от своих советников» [8, л. 107]. С другой стороны, монгольское правительство в обращениях к советскому руководству постоянно подчеркивало растущую необходимость в специалистах, особенно для хозяйственных структур. В одной из записок от 26 августа 1931 г. содержался следующий перечень вакансий: «Нужно 161 человек — 33 из них на замену. Из 161: 8 советников и старших инструкторов, 10 инструкторов, 126 специалистов, 17 квалифицированных работников ... По секретному соглашению специалисты (все) должны прибывать через два месяца после заявки, это не выполняется. Качество посылаемых инструкторов и специалистов низкое — нет опыта практической работы, а ответственность в Монголии большая, есть малограмотные» [9, л. 9]. Еще одним распространенным требованием монгольской стороны была необходимость в наглядном обмене опытом, например, в июле 1931 г. монгольское руководство просило прислать бригаду колхозников из Бурят-Монголии, которые должны были показать как организовать колхоз [9, л. 109]. Система оплаты труда складывалась в пользу советских граждан. В 1930-е гг. они в среднем получали 300–400 тугриков, в то время как монгольские работники — 180 [9, л. 110].

Установление соотношения полномочий инструкторов и национальных кадров нашло отражение в итоговом Соглашении между правительствами СССР и МНР о советниках, инструкторах, специалистах, заключенном в 1934 г. Документ предусматривал консультативную помощь советских граждан «в практической работе учреждений и организаций», подготовку «... кадров монгольских работников, способных в дальнейшем вполне самостоятельно руководить участком работы», тем самым подразумевался временный характер деятельности советских работников в МНР. Отдельный раздел «О правах и обязанностях советников, инструкторов и специалистов» регламентировал полномочия каждой из категорий, подчеркивая их подчиненное положение перед монгольским руководителем: «Советник не имеет никаких административных функций. Его задачей является общая консультация и дача советов по конкретным вопросам ... Советник находится в подчинении руководителя соответствующего учреждения Монгольской Народной Республики и обязан выполнять его распоряжения», «инструктор в своей работе подчинен соответствующему должностному лицу Монгольской Народной Республики», «специалисты ... являются непосредственными исполнителями работы по своей специальности» [10, с. 79].

С середины 1930-х гг. советское руководство берет курс на сокращение числа советских специалистов и передачу основной части советских и совмест-

ных предприятий в собственность монгольского народа. Причиной тому послужили трагические последствия левацкого эксперимента 1929–1932 гг. Со второй половины 1932 г. монгольское руководство начинает «новый курс», который был осуществлен преимущественно в экономике: распускались насильственно созданные колхозы, допускалось развитие частных хозяйств, наем работников частными хозяйствами, что частично сняло проблему нехватки советских специалистов в хозяйственной сфере. Однако в политической жизни формировалась командно-административная система и авторитарный режим по советскому образцу.

Новое соглашение об условиях командирования советских специалистов в МНР было подписано в 1958 г. Оно учитывало многие проблемные вопросы, не затрагиваемые предыдущими официальными документами. В 1950-е гг. в отношениях специалистов и формирующегося монгольского рабочего класса во многом сохранились те же проблемы, что были характерны для предыдущего перио-

да, однако от предложения Мао Цзэдуна в сентябре 1956 г. направить в МНР 100-300 тыс. китайских рабочих, монгольское правительство предпочло отказаться [11, р. 342].

Обеспечение национальной безопасности Монголии стало главной причиной ориентации на СССР, однако в рамках существовавшего международно-политического контекста это означало следование во внешнеполитическом и идеологическом фарватере Советского Союза. На начальном этапе советской политики в Монголии определяющее воздействие на взаимоотношения советских инструкторов/специалистов и монгольских чиновников оказывала асимметричность советско-монгольских отношений в целом. Тесное сотрудничество двух государств в период 1926–1932 гг. предусматривало активное участие советских специалистов в хозяйственной и политической жизни МНР в форме взаимопомощи, однако избежать давления и перегибов в реализации политических идей удавалось не всегда.

Библиографический список

1. Рошин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940). М., 1999.
2. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М., 2007. Гл. 2.
3. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI в. Улан-Удэ, 2009.
4. Родионов В.А. Политическая трансформация Монголии в социалистический период: от традиции к модерну // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17.
5. Дьяченко Н.В. «Советские войска» в Монголии во второй половине 1960-х — 80-е гг. (по воспоминаниям советских военных) // Олон улсын Монголч Эрдэмтнийн Х их хурлын илтгэлүүд. I боть. Түүхийн Өмнөх үе болон түүхэн үеийн монгол ба гадаад ертөнц (Доклады X международного конгресса монголоведов. I том. Монголия в доисторический и исторический периоды и внешний мир). Улаанбаатар, 2012.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 68.
7. Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. I (1919–1929). Улан-Удэ, 2012.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 6.
9. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 119.
10. Из соглашения между правительствами СССР и МНР о советниках, инструкторах, специалистах 1934 г. // Советско-монгольские отношения. 1921–1966 : сб. документов. М., 1966.
11. Radchenko S. New Documents on Mongolia and the Cold War // Cold War International History Project Bulletin, Issue 16. Woodrow Wilson Center. Washington, 2008.